Вт.

Н. БАЙКОВ

ИЗДАНИЕ
Дома „Милосердный Самарянин"
MÜNCHEN, MAUERKIRCHERSTR 5

Н. БАЙКОВ

НАШИ ДРУЗЬЯ

Издание Православного Детского Дома
«МИЛОСЕРДНЫЙ САМАРЯНИН»
Мюнхен, Мауеркирхерштрассе 5.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Жизнь животных, их нравы, привычки и другие характерные особенности бесспорно составляют самую интересную часть естествознания.

Еще во времена глубокой древности, когда у доисторического человека явилось самосознание и ум его начал совершенствоваться в борьбе за существование, совершилось приручение многих видов животных, которые давали не только пищу и одежду, но и служили помощниками человека в смертельных схватках с грозными хищниками того отдаленного периода. Много тысячелетий прошло с тех пор, человек достиг высокой степени культуры и цивилизации, но его старые друзья и помощники из мира животных остались при нем и сопровождают его всюду на его жизненном пути.

Значение животного мира для человечества огромно: этот мир его кормит, одевает и дает ценные продукты для технической промышленности.

Но, помимо пользы, приносимой непосредственно человеку, каждый вид животных имеет огромное значение в общей экономике природы. Хищники и те приносят пользу уничтожением быстро размножающихся грызунов. Таким образом, все в природе разумно и целесообразно, одно дополняет другое, зависит от него и уравновешивает; в природе ничего нет лишнего, ненужного, безполезного, а тем более гадкого, скверного и противного, только лишь один человек часто нарушает гармонию природы и ее равновесие, пренебрегая ее вечными законами, установленными волею Творца Вселенной. Если вам говорят, что змеи гадки, лягушки противны, жабы отвратительны, а летучие мыши мерзки, — не верьте этому, так как это ложь и клевета, основанные на глупости и невежестве людей, лишенных самого простого здравого

смысла. В природе все прекрасно, все хорошо и разумно, так как Бог не мог создать никакой гадости, никакой мерзости. Если в мире и существует ложь, неправда и всевозможные пакости, то все это создано человеком и исходит от него.

Есть люди, которые не только не любят, но даже боятся мышей, лягушек, не ядовитых змей и других животных! Но это совершенно напрасно: надо бояться и избегать злых людей, так как они гораздо опаснее и вреднее самых свирепых хищников и даже ядовитых животных.

Кто стоит близко к природе, тот понимает ее и любит, но эта любовь не должна ограничиваться одним лишь созерцанием ее красот и ее величия. Она должна сопровождаться изучением ее законов и внимательным наблюдением ее явлений и жизни органического мира, т.-е. животных и растений. Это изучение настолько интересно и занимательно, что может заполнить всю жизнь человека и дать ему полное нравственное удовлетворение и душевное равновесие. Человек — дитя природы, он тяготеет к ней, как к своей матери, помимо своей воли, почти безсознательно, и природа, как заботливая мать, оказывает на него благотворное действие, расширяя его умственный кругозор, облагораживая его душу и укрепляя его тело.

Человек, оторванный от природы, становится жалким, искалеченным нравственно и физичесли существом, лишенным радостей жизни и тех здоровых разумных удовольствий, которые дает ему в избытке, любящая его мать — природа.

Дети, как существа наиболее близкие к природе и неиспорченные заботами жизни, чувствуют это тяготение наиболее сильно и проявляют его по своему, увлекаясь миром животных и растений, непосредственно окружающих их, или в рассказах о путешествиях в далекие страны.

Идя навстречу нашей молодежи, в настоящей книге я даю описание тех животных, которые жили у меня и приручались мною, начиная с самого моего детства. В этих описаниях главное внимание обращено на характерные биологические особенности животных, их нравы и отношения их к человеку. Наблюдая животных в их естественной обстановке и сравнивая с жизнью в прирученном состоянии, невольно приходится согласиться с

тем, что не всегда ими руководит инстинкт, но проявляется несомненный ум, присущий разумному человеку. Все животные, как живые существа Божьего мира, очень близки нам и являются нашими друзьями.

СИБИРЛЕТ И БЕЛЬЧИКИ

„Собака—друг человека!“ — „Умом собаки держится мир!“ — так говорит одна из древнейших книг человечества „Вендидада“, составляющая часть великого творения арийских народов Азии „Зенд-Авесты“.

Действительно, для народов, стоявших на низшей ступени цивилизации, слова эти представляли несомненную истину. В те отдаленные времена, когда человек принужден был отстаивать свое существование и бороться с гигантскими могучими хищниками, собака оказывала ему неоценимые услуги и способствовала своему товарищу выйти победителем в этой жестокой борьбе за право жить. Человек и собака дополняли друг друга и этот союз животного и человека дал последнему господство на земле.

Впоследствии, когда человек окреп духовно и организовал родовые общины, собака служила ему помощницей при добывании пищи. Таким образом, постепенно образовались породы охотничьих собак. Быстрота ее бега, тонкость обоняния, сообразительность и привязанность к человеку сделали то, что животное это превратилось в необходимого члена первобытного общества. Дикий некультурный человек не мыслим без собаки, но трудно себе представить и образованного, благовоспитанного человека, живущего в культурных условиях, без этого животного. Собака была товарищем человека в его трудные черные дни и осталась его другом при изменившихся условиях жизни, когда услуги ее не так существенны, как в прежние времена доисторической эпохи. Но еще и в настоящее время собака играет важную роль в жизни кочевых и охотничьих племен в Азии, Африке и Америке. На крайнем севере земного шара, где не может жить ни одно домашнее животное, собака за-

меняет человеку упряжное животное, перевозя, как его самого, так и его грузы.

Собака, говорит ученый Кювье, составляет самое замечательное, совершенное и полезное из всех приобретений, какие когда-либо сделал человек. Вся порода собак сделалась нашей собственностью, а каждая отдельная собака вполне принадлежит своему хозяину и остается ему верной до самой смерти. Все эти качества собак зависят не от принуждения или боязни, а от чистой любви к человеку и привязанности, потому они так ценны. Собака — единственное животное, которое вместе с человеком расселилось по всему земному шару. Она встречается, как у самых жалких полудиких народов, так и у самых культурных; как на крайнем севере, так и на крайнем юге; под экватором и в полярных льдах.

Как у охотника и любителя животных, у меня в разное время перебывало много разных собак, о которых можно было-бы написать целую книгу, поэтому я ограничусь здесь описанием только трех из них, а именно: тунгусской лайки из Амурской области „Сибирлета" и двух лаек-гольдов с низовьев Сунгари „Бельчика" и „Белки".

Все они попали ко мне уже взрослыми, поэтому периода их детства я не знаю, но, вероятно, оно не отличалось ничем особенным от других собак. Сибирлет попал ко мне совершенно случайно, при весьма оригинальных обстоятельствах.

Как-то раз, в жаркий летний день, проходя по китайскому поселку на станции Ханьдаохэцзы, я обратил внимание на толпу людей, собравшуюся на площади. Раздавались крики китайцев и возбужденные голоса русских. Желая узнать в чем дело, я подошел к толпе вплотную и увидел следующую картину: у кузницы, к станку для ковки лошадей, была привязана большая черная собака. На шее у нее закручена была петля, другой конец веревки закинут был на перекладину. Собака хрипела, сопротивлялась и билась; ее подтягивали к перекладине, собираясь повесить.

На мой вопрос, зачем это делается, один из русских ответил мне, что собака бешеная, искусала несколько человек и поэтому ее решили повесить. Особенно старались китайцы в надежде воспользоваться ее мясом для ‚чифана'.

Растолкав толпу, я подошел к собаке, которая не

могла уже двигаться и порывисто дышала, будучи крепко стянута веревками. Никаких признаков бешенства у нее не было. Глаза, совершенно ясные и чистые, смотрели на меня и, казалось, молили о помощи. Не долго думая, я вынул шашку из ножен и взрезал веревки, связывавшие собаку.

Моя решительность и вид обнаженной, остро отточенной шашки возымели должное действие: толпа притихла и безмолвствовала, ожидая дальнейших враждебных действий; я же, ни слова не говоря, отвязал собаку и выпустил ее на свободу. Она встряхнулась и, подойдя ко мне, начала ласкаться и лизать мне руки. Пес мне понравился своим ростом и сложением и я решил взять его себе, с этой целью я надел ему на ошейник веревку и, вкладывая шашку в ножны, произнес:

—Я беру эту собаку себе. Кто ее хозяин?

Ответа на мой вопрос не последовало, толпа попрежнему безмолвствовала и только в задних рядах слышались глухие голоса протеста, на которые я не обращал никакого внимания. Затем, взяв собаку на поводок, я вышел из толпы, направившись к себе домой, в военный поселок.

Таким образом, я оказался владельцем прекрасного пса, который впоследствии сослужил мне хорошую службу и отдал свой долг благодарности за то, что я спас ему жизнь.

Ростом он был с большого дога, широкогрудый, с могучими лапами и волчьей головой. Густой мех его был совершенно черного цвета, только одна правая передняя лапа и „душка" на груди имели белые пятна.

Небольшие стоячие уши сливались с густым загривком на крутой мускулистой шее.

По всем признакам, он принадлежал к типу тунгусских ездовых собак, которые часто встречаются у сибирских зверобоев. Как он попал в Маньчжурию, да еще на ст. Ханьдаохэцзы,—сказать трудно, но можно было предполагать, что он отстал от поезда во время проезда переселенцев из Забайкалья в Уссурийский край.

Увидев у меня этого пса, Бобошин пришел в восторг и, любуясь его статьями, воскликнул:

—Ну, Пенснэ! Поздравляю! Такой собаки нет у самого Царя! Я этих собак знаю! У нас в Сибири они встре-

чаются, но редко, и ценятся на вес золота! Они втроем берут медведя, а в одиночку волка и кабана! Давай мне ее в тайгу, я ее там испробую, какова она в работе. Но наперед тебе скажу, что лучшей собаки ты не найдешь!

Так как у пса не было еще никакого имени, то мы сообща решили назвать его „Сибирлетом", по месту его родины.

Пес оказался очень умным и добродушным, но не допускал с собой никаких шуток и фамильярностей. Гладить и ласкать его могли только я и моя дочь Катя, на всех же остальных он свирепо рычал, показывая огромные волчьи клыки.

Все собаки нашего поселка боялись его панически и никогда не отваживались не только вступать с ним в драку, но и лаять на него вблизи; только, находясь за забором, они провожали его истерическим визгом и воем.

Чувствуя и сознавая свою силу, Сибирлет не обращал никакого внимания на собак и смотрел на них, как на пустое место. Только однажды он сцепился с большим догом, принадлежавшим богатому местному подрядчику Рожнову. Этот пес иногда заходил со своим хозяином к нам в поселок и познакомился через забор с Сибирлетом. Но вот, в один прекрасный день Сибирлет вышел на улицу и столкнулся нос к носу с догом. В это время подошел его хозяин Рожнов и не нашел ничего лучшего, как натравить своего дога на Сибирлета. Дог сначала не повиновался ему, проявив более такта и ума, чем его хозяин. Сибирлет стоял около своих ворот и даже не смотрел в сторону дога. Тогда Рожнов, видя, что его затея не удалась, взял за ошейник своего пса и подтащил его к Сибирлету. Обе собаки ощетинились и зарычали, оскалив свои страшные зубы. Но до драки было еще далеко.

Желая во что-бы то ни стало стравить собак, Рожнов толкнул своего дога вперед; после этого терпенье псов было истощено окончательно и они бросились друг на друга. В одно мгновение Сибирлет овладел положением и схватил своего противника за горло. Сильный дог не поддавался и, стараясь освободиться от стальных челюстей врага, таскал его за собой, катался по земле, кувыркался через голову, но ничего не помогало: зубы Сибирлета проникали все дальше и дальше в толстую шею дога. Вскоре он начал хрипеть, глаза его выкатились из

орбит и, не прошло десяти минут, как он перестал дышать. Почувствовав, что враг побежден, Сибирлет выпустил его из своих окровавленных челюстей и, облизываясь, ушел к себе домой, как ни в чем не бывало. На драку сбежался весь поселок; многие принимали деятельное участие в ликвидации собачьего конфликта, при чем били их палками, растаскивали за хвосты и поливали водой, но это еще более возбуждало их ярость и бешенную злобу.

Рожнов стоял тут-же и, будучи уверен в победе своего пса, подбадривал его криками и свистом, но когда он убедился в противном, то стал на сторону Сибирлета, ругая своего ни в чем не повинного дога.

Когда он лежал уже мертвый, с перекушенным горлом, Рожнов подошел к нему и, пиная его в бок ногой, произнес:

—Эх ты, барахло! Подвел меня, мерзавец! А я думал, что сильнее тебя собаки нет!

Сказав это и плюнув в сторону, он удалился с места побоища, не отвечая на брань и крики солдат, возмущенных его отношением к собаке и всем поведением. Он ушел во время, так как наиболее горячие головы собирались уже поучить его уму-разуму.

Бедный дог, павший жертвой человеческой глупости и жестокости, был отнесен заамурцами на опушку тайги и там закопан, при чем какой то шутник сделал затеску на дереве и поместил эпитафию:

„Здесь зарыта умная собака глупого человека".

Через несколько дней после этого ко мне явился Рожнов и предлагал за Сибирлета большую сумму денег, но я отклонил это предложение, ссылаясь на то, что не торгую своими друзьями.

После этого поединка Сибирлет закрепил за собой славу непобедимого бойца и внушал всем страх своим серьезным непобедимым видом.

Осенью, когда настал сезон охоты на зверя, я отдал его на „гастроли" старому таежнику Бобошину, который не мог нахвалиться его работой и с его помощью взял не мало медведей и кабанов.

Иногда мы охотились вместе и я мог лично убедиться в отличных качествах своего пса, превосходивших даже мои ожидания. Молодых кабанов, до четырех пу-

дов весом, он брал самостоятельно, при чем перекусывал у них затылок. Старых кабанов он останавливал, перекусывая им сухожилья задних ног, а свиней задерживал за уши.

—Ну, Пенснэ!—говорил обыкновенно Бобошин, глядя на „работу" Сибирлета,—Я много видел хороших собак в Сибири, но такой еще не видел! Это не собака, а зверь с умом человека! Ты посмотри на ее глаза, только что не говорит!

В Сибири тигров нет, поэтому и Сибирлет, не зная этого зверя, действовал очень осмотрительно и осторожно, при его выслеживании. Умный пес знал, что это зверь чрезвычайно хитрый и кровожадный и шутки с ним плохи. Все же, в конце концов, ему пришлось столкнуться с ним при следующих обстоятельствах. Передаю слова Бобошина.

„Вышли это мы на перевал. Сибирлет впереди. Вижу,—остановился и кого-то почуял: шерсть на спине дыбом и хвост между ног. Я подошел, он ни с места. На снегу свежий след тигра, велечиной с тарелку. Смотрю,—внизу дубняки на солнопеке и кабаньи покопы. След идет в дубняки. Вдали на склоне густой орешник. Я толкнул Сибирлета рукой и он пошел, я за ним. Спустились в распадок. Здесь тигр следил кабанов и погнал их в орешник. Вошли в самую чащу. Сибирлет сел и ни с места. Я его толкаю—не идет. Смекаю, значит тигр близко. Пошел я один; раздвигаю орешник винтовкой и вижу... шагах в двухстах на пригорке лежит тигр и разделывает кабана. Я пал на четвереньки и пополз к нему. Вижу, Сибирлет не отстает и идет за мной. Осталось еще шагов сто. Думаю: дай посмотрю, где тигр? Встал на колени, а тигр тут как тут, услышал шорох орешника, припал к земле и готовится к прыжку. Стреляю. Слышу рев, и сразу после этого на меня что-то навалилось тяжелое и сбило с ног. Ну, думаю, дело плохо! Убьет проклятый зверюга! Вытаскиваю нож, но не тут-то было: ударом лапы он выбил из рук нож. В это время Сибирлет вцепился ему в хвост и тащит к себе. Тигр повернулся и насел на собаку. Пока он с ней возился, я успел пустить ему вторую пулю в голову; после чего зверюга осела вытянулась и дух вон. Оттащил тигра в сторону, под ним лежал Сибирлет, уже не живой; вся голова разбита и мозги видны. Такая досада меня взяла, что и сказать

не могу. Жалко пса, но ничего не поделаеш. Видно ему на роду так написано. А если-б не Сибирлет, тигр меня задрал-бы, как пить дать. Спасибо ему! Я даже заплакал, ей Богу! Все равно, что потерял родного брата. Тут по близости было дупло, туда я и уложил Сибирлета-голубчика, а самое жерло завалил камнем. Думаю, пусть хоть мертвый он найдет покой и старая тайга будет петь над ним свои песни".

Так погиб наш славный Сибирлет, геройски защищая своего друга человека.

Память о нем долго сохранялась среди таежников и его именем обыкновенно называли они своих лучших зверовых собак.

Узнав об этом, Рожнов также высказывал свое сожаление и упрекал меня в непрактичности. У каждого своя точка зрения.

Прошло два года. Я жил на ст. Шитоухэцзы, где командовал 6 ротой 5 Заамурского полка. Как-то в одну из военных разведок мой младший офицер, князь И. И. Гантимуров, привел с низовьев Сунгари пару превосходных гольдских лаек, кобеля и суку. Собаки отличались большим ростом, стройным, но крепким сложением, пушистым мехом белоснежного цвета и острыми стоячими ушами, очень чуткими и подвижными. Пушистые хвосты их были закручены на спину двойным кольцом.

По цвету меха мы назвали их Бельчиком и Белкой.

Вначале они дичились и были неприветливы, но вскоре привыкли и чувствовали себя прекрасно в новой для них обстановке, сохранив многие свои привычки прежней полудикой жизни у гольдских охотников. Так например, они никогда не заходили в комнаты или к собакам в будку, спали всегда на дворе, несмотря на погоду и температуру. В самую снежную метель они свертывались калачиком и их засыпало сугробами. Утром они вылезали оттуда, как из берлоги, отряхивались и приводили свой мех в порядок.

На охоте Белка обыкновенно командовала всеми собаками и те ей подчинялись беспрекословно, но если какая-нибудь не слушалась и выходила из повиновения, она приводила ее к порядку, задавая ей основательную трепку. При выслеживании зверя, Белка шла впереди и ни одна собака не смела выдвинуться вперед даже на

полкорпуса: рывок острыми зубами осаживал революционерку и отбивал всякое поползновение к бунту. Она очень умело и разумно руководила всей стаей и не терпела никакого вмешательства в свои дела.

Бобошин называл ее „Мать-командирша", и это прозвище, как нельзя более, подходило к ней. Молодых собак она держала в „черном теле" и обращалась с ними без всякой церемонии, несмотря на то, что многие были гораздо больше ее ростом и сильнее. Даже старые кобели, видавшие всякие виды на своем веку, признавали ее авторитет и не пытались его оспаривать. Такова собачья психология, мало доступная для нашего понимания.

Уезжая от меня совсем, князь Гантимуров признался, что увел этих собак без согласия хозяина-гольда, что меня немного разочаровало и огорчило, но полугодовой срок пребывания их у меня до известной степени послужил утешением и я начал убеждать себя в том, что собаки — моя собственность, но я ошибался: у них были хозяева, которые нашли в конце концов своих собак и предъявили на них свои права.

Дело было так. В один из погожих летних дней, когда рота грузилась в вагоны, для отправления в лагерь на Эхо, ко мне на двор заявились два гольда, старик и молодой, отец с сыном. Бельчики, увидев их, бросились к ним ласкаться, визжали и радостно лаяли. Я сразу понял, что это хозяева моих собак, и на душе у меня заскребли кошки. Неужели, подумал я, пришла пора расставаться с Бельчиками?

Тем временем, увидев меня на дворе, старый гольд подошел ко мне и, поклонившись низко, проговорил:

— Капитан! Я пришел издалека, чтобы просить тебя вернуть наших собак, без которых моя семья обречена на голодную смерть. Я дам тебе других собак, не хуже этих. Пожалей бедных гольдов, которых все обижают!

Произнося эти слова, старик бил себя кулаком в грудь и по темнокоричневому лицу его текли слезы.

Мне жаль было старика, но в то-же время не хотелось расставаться с собаками, которые за это время стали моими друзьями. Во мне происходила внутренняя борьба и я не знал, какое решение принять.

Старик был, конечно, прав. Собаки бесспорно принадлежали ему.

Думая соблазнить гольда деньгами, я ему предложил за них довольно значительную сумму денег, но старик решительно отверг мое предложение, проговорив:

— Нет, капитан! Гольды не продают своих племенных собак! Если ты отдашь их нам, то Бог благословит тебя за это!

Сказав это, он снова упал на колени и поклонился в землю.

Я растерялся окончательно и не знал, что делать.

В это время фельдфебель роты, Иван Федорович Семенченко, вмешался в наш разговор и сказал мне:

— Ваше Высокоблагородие! Охота вам слушать этого сумасшедшего старика. Разрешите мне поговорить с ним. Я покажу ему таких собак, что он долго будет их помнить. Гоните его в шею. Вот и весь разговор с ним.— Собравшиеся солдаты, очевидно, разделяли это мнение, судя по выражению их лиц и поведению.

Само собой разумеется, я мог-бы прогнать старика гольда со двора, но какой-то внутренний голос говорил о недопустимости этого.

Наконец, желая ускорить развязку, я объявил старику:

— Ну хорошо! Я не хочу тебя обижать. Пусть собаки сами решат, кто их настоящий хозяин. За кем они пойдут, тот их и возьмет.

— Спасибо, капитан!—радостно воскликнул гольд.—Я знал, что русские хорошие люди и не обидят бедного гольда. Я согласен, но позволь мне сначала с ними поговорить.

Конечно я изъявил на это свое согласие и старик немедленно-же заговорил с ними на гольдском языке.

Собаки, обступив его, слушали внимательно и выражали свои чувства повизгиванием и вилянием хвостов.

После беседы с собаками, гольд подошел ко мне, низко поклонился и, свистнув два раза, вышел со двора вместе с сыном.

Собаки сначала стояли в нерешительности, потом подбежали ко мне и, заглядывая мне в глаза, казалось хотели что-то сказать, но, услышав призывной свисток гольда, стремглав бросились к воротам и скрылись за углом. Только мы их и видели.

Теперь сомнения мои рассеялись окончательно: со-

баки вспомнили прошлое и ушли за своим хозяином.

С такими мыслями я вернулся к себе домой. На душе у меня было не важно, но я не упрекал себя, сознавая справедливость случившегося. Иван Федорович ходил пасмурный, видимо чувствуя себя обиженным моим отказом в его помощи.

Через два дня, когда утром мы собирались уже засесть в вагоны, для поездки на Эхо, ко мне подбежал вестовой и радостно заявил:

— Ваше Высокоблагородие! А Бельчики-то вернулись!

Во дворе собаки едва не сбили меня с ног. Они прыгали мне на шею, стараясь лизнуть в нос, визжали и лаяли от радости.

Вся рота ликовала. Еще-бы: Бельчики вернулись и старый гольд потерпел поражение.

С этого момента я считал собак своей неотъемлемой собственностью, как с точки зрения морали, так и с юридической стороны, на основании словесного договора с гольдом.

В этом случае собаки сами, без участия человека, решили свою судьбу. Им был предоставлен свободный выбор и они сами решили сложную психологическую задачу, над которой люди ломали себе головы.

Чем руководствовались они в данном случае, сказать трудно, можно только предполагать, что выбор их сделан на основании сравнений.

Эти Бельчики явились родоначальниками отличных зверовых собак на всей Восточной линии КВжд. Потомство их долгое время пользовалось заслуженной славой у охотников-зверобоев и по своим качествам и внешнему виду напоминало гольдских лаек, выведенных когда-то князем Гантимуровым с низовьев Сунгари.

Привязанность Бельчиков ко мне была изумительна. Не раз они спасали меня от смертельной опасности в тайге во время охот на крупных хищников и при встречах с хунхузами.

Это были самые верные друзья, на которых можно было положиться без колебания и сомнений.

В 1914 году, перед отправлением на войну, я оставил их русскому охотнику, с тем, чтобы он вернул их мне по возвращении. К сожалению, он не сумел их сберечь

и они погибли один за другим в схватках со зверями. Одна из дочерей Белки, Змейка, родившаяся еще при мне, унаследовала от матери все ее превосходные качества и физические признаки.

Теперь уж это потомство выродилось, но кровь этих собак видна еще до сих пор у собачьего населения станций Шитоухэцзы и Яблоня. В силу закона биологической наследственности и атавизма, среди собак этого района нередко встречаются белоснежные собаки волчьего типа; старожилы знают, в чем дело, и, говорят: „Это потомки байковских Бельчиков".

Кровь эта сказывается и до сих пор, так как собаки, имеющие хотя-бы отдаленное сходство с гольдскими лайками, ценятся высоко у местных промышленников зверобоев.

ВОРИШКА КОКО

Когда я был еще неоперившимся птенцом, у нас жила замечательная птица, простая сорока, о которой можно было бы написать целую книгу.

Я нашел ее еще голым птенцом под сорочьим гнездом. Очевидно он выпал каким-то образом из гнезда и кричал благим матом, широко разевая свой желторотый клюв. Я взял его к себе и начал кормить творогом. Результаты получились отличные: через месяц птенец оперился и стал летать, а к концу лета превратился в красивую белобокую сороку, с длинным зелено-синим хвостом. Мы назвали ее Коко, по имени одного знакомого, очень болтливого молодого человека. Коко стрекотал без умолку и был необычайно любопытен. Ему все надо было знать, все исследовать и все видеть. Всюду он совал свой нос, за что нередко ему попадало, как следует. Воришка он был самый отчаянный. Он таскал положительно все, что плохо лежало, в особенности блестящие металлические вещи. Краденое он прятал во всех уголках дома, двора и сада, но предпочитал для этого щели в крыше и в досках сарая.

В комнатах ничего нельзя было оставлять ни на столе, ни на комоде, Коко обязательно увидит и стащит.

Если пропадало что-нибудь драгоценное или нужное в домашнем быту, знали, что это проделки Коко, и тогда обыскивали все его любимые потайные уголки, и обычно находили пропажу.

Особенное пристрастие у него было к серебряным ложкам, монетам, золотым украшениям, кольцам, ключам, кнопкам, перьям и стеклянным бусам. Однажды у матери пропало с комода дорогое кольцо с бриллиантом, заподозрили в похищении Коко; обыскали все его склады, но ничего не нашли. Пало подозрение на новую прислу-

гу, что, конечно, было очень неприятно. Наконец, через месяц Коко вытащил откуда-то это кольцо и, как бы хвастаясь своим искусством, громко крича, положил его на перилах веранды, а сам потом улетел и издали наблюдал.

У сестер он опустошал их туалетные столики и выклевывал стеклянные глаза у кукол, за что был ими ненавидим и неоднократно бит; но это его не смущало, он продолжал хулиганить и как-будто даже издевался над ними. Его способность перенимать звуки была удивительна: он подражал голосам людей, животных, птиц и даже неодушевленным звукам. То он визжал поросенком; то кричал петухом; то лаял по собачьи; мяукал, как кошка; скрипел, как немазанное колесо; свистел и переливался соловьем.

Свое имя „Коко" он произносил так, что мы часто ошибались, думая, что это говорит кто-нибудь из нас.

Это была в высшей степени интересная птица, доставлявшая всем большое удовольствие своим умом и удивительными способностями.

Когда мы жили на своей даче в Боярке, он пользовался полной свободой и летал, куда хотел. Все окрестные крестьяне его хорошо знали и не обижались, когда он воровал у них что-нибудь съестное, но у баб и девиц он часто таскал бусы и прятал их под застрехой хаты. Эти наклонности Коко были всем известны и к ним привыкли, относясь к нашей птице с добродушным юмором, свойственным всем малороссам.

Иногда Коко приносил к нам на двор коралловое монисто или стеклянные бусы деревенской щеголихи. Конечно, мы его сейчас-же отбирали от вора и прятали до прихода владелицы. Через день, два являлась она сама и говорила матери:

— „А чи не приносыла ваша сорока до вас мое монисто? Воно пропало! Неначе, як унесла его сорока!"

Украденное немедленно возвращалось и деревенская красавица, обласканная матерью и довольная угощением, уходила домой, до хаты.

Так обстояло дело в деревне, но, когда мы переехали в Киев, Коко пришлось посадить в клетку, так-как воровские наклонности его начали принимать нехороший оборот.

Вначале мы отпускали его на свободу и он летал,

если не по всему городу, то по садам, прилегавшим к нашему кварталу. В один прекрасный день он принес в клюве медный пятак и, положив его на стол, застрекотал, как бы похваляясь своей находкой. Мы решили, что он поднял его на улице и не обратили на это внимания, однако пятачок, на всякий случай, спрятали.

На другой день Коко притащил две серебряные монеты по 20 коп.; обе новенькие, блестящие. Это возбудило наши подозрения: откуда Коко достает деньги? Мать настаивала, чтобы Коко лишить возможности воровать и запереть в клетку, но мы, дети, просили этого не делать; отец был на нашей стороне, и Коко остался на свободе.

Прошла неделя; за это время Коко приносил медные пуговицы, бусы и всякую металлическую ерунду, подобранную им на улице или в помойках.

Но вот Коко как-то принес золотую брошь с жемчугами и крупным рубином. Она, конечно, была отобрана от воришки, несмотря на его отчаянное сопротивление. Вся эта история очень заинтересовала отца и он решил во что-бы то ни стало добиться истины: где Коко совершает кражу? Но, как это сделать? Проследить за ним не было никакой возможности, оставалось одно—дать объявление в газетах, что и было сделано, с указанием на виновника воровства. В это время Коко принес еще две золотые монеты по 10 рублей.

Стало очевидным, что Коко таскает эти вещи из одного места, что и подтвердилось на другой-же день после объявления в газете.

К нам явился владелец этих драгоценностей, ювелир, имевший магазин на Крещатике (главная улица г. Киева). Он очень заинтересовался птицей и был поражен ее способностями, направленными в дурную сторону. Как потом выяснилось, Коко подсмотрел, куда ювелир прячет драгоценности и деньги, и забирал их в отсутствие хозяина, но делал это так скрытно и так ловко, что ни разу не попался с поличным на месте преступления.

Ювелиру так понравился наш Коко, что он предложил отцу за него большие деньги, но, разумеется, получил отказ. После этого ювелир стал запирать окна своей мастерской и пропажа драгоценностей прекратилась. Но, с течением времени, мания воровства у Коко усилилась, он тащил все, что ему попадалось на глаза. Так, он однажды принес к нам небольшой дамский кошелек, в ко-

тором находилось несколько серебряных монет и визитная карточка, по которой найдена была владелица.

В другой раз, после долгого отсутствия, он притащил и спрятал у себя в клетке золотой нательный крестик с цепочкой. Владелица этого крестика, наша соседка, рассказала нам следующее:

— Я брала ванну и купалась; крестик сняла и положила на подоконник; окно было открыто; на акации против окна стрекотала сорока; затем она слетела на подоконник и, схватив мой крестик, выпорхнула в окно; я не успела даже крикнуть, как она исчезла; но я была спокойна, зная, что это ваш Коко и что крестик мой найдется; я не ошиблась.

Возвратив крестик этой даме, отец запер Коко в клетку и не выпускал его до тех пор, пока не настала зима и не вставили зимние рамы. После этого Коко свободно летал по комнатам и от скуки ссорился с ручной совой, которая жила у нас уже давно и весь день проводила на печке, где сидела нахохлившись и щелкая клювом, когда Коко приставал к ней, стараясь нарушить ее сонливую апатию.

На кухне его также встречали не особенно дружелюбно, так-как ему надо было всюду совать свой нос, куда надо и не надо, поэтому нередко кухарка Аннушка, чтобы избавиться от назойливого гостя, мазала ему нос горчицей, после чего Коко долго чихал и чистил свой нос, замышляя месть обидчице. Когда она отлучалась в кладовку, Коко бросался на стол и расклевывал приготовленные ею котлеты, затем быстро улетал в безопасное место — на печку.

Следующим летом в деревне Коко подвергся нападению кота и был так изранан, что через день околел, к великому нашему сожалению и огорчению. Хотя он был воришкой и проказником, но забавною птицей.

ВЕСЕЛЫЕ РЕБЯТА

В Маньчжурии, а особенно в восточной ее части, отличающейся богатством животного и растительного мира, обитает интересный маленький грызун, с красивою шкуркой и перисто-волосистым хвостиком. Вы, конечно, догадались, что это всем известный бурундук, живущий также в Южной Сибири и Уссурийском крае. Этот зверек держится преимущественно в светлых смешанных лесах, на опушках, около огородов и полей, и в кустарниках, где находит себе обильную пищу в виде орехов, ягод, зерен, злаков и семян многих растений. На зиму он делает себе значительные запасы в своем гнезде, которое устраивается обыкновенно под корнями деревьев в глубоких норах, недоступных для мороза. В своем теплом и уютном домике он проводит всю зиму и чувствует себя прекрасно в обществе своих родных детей, с которыми расстается только весной, когда они строят для себя отдельные собственные гнезда.

Этот зверек пользуется у местного населения покровительством и любовью за его веселый нрав и хозяйственные наклонности. В притаежном районе его можно видеть во многих фанзах в ручном состоянии.

У нас также нередко жили бурундуки и так привыкали, что не уходили никуда из дому, несмотря на полную свободу.

Как-то раз китаец дровосек принес нам целое гнездо этих зверьков из пяти полувзрослых экземпляров. Он вынул их из дупла срубленного дерева.

Вначале малыши дичились и смотрели на нас с недоверием и даже пробовали кусаться, когда их брали на руки; но через неделю вполне освоились и бегали по всем комнатам, забавляя нас своими играми и веселым нравом. Во время обеда или чая они обязательно появлялись на

столе и брали не только из рук, но и изо рта лакомые кусочки, для чего взбирались на плечо и, упираясь лапками в щеки, брали то, что им нравилось.

Спали они в своем домике, подвешенном у окна в столовой, куда забирались по занавеси. Постельки в этом домике они устроили себе сами, для чего натаскали вату из старой куклы дочери, которая валялась за шкафом без головы и без рук. Когда они были еще совсем маленькими, обезьянка Сара возилась с ними и часто таскала с собой, бесцеремонно распоряжаясь ими, как своей собственностью. Но когда зверьки подросли и окрепли, они начали оказывать самозванной нянюшке сопротивление и пускали в дело свои острые зубы. Это Саре не понравилось и, в конце концов, скрепя сердце, она должна была оставить зубастых зверьков в покое.

Несмотря на то, что корма им давалось вволю, они, в силу врожденного инстинкта, делали себе запасы в своем домике и тщательно прятали их в особом ящичке, при чем излюбленными припасами у них служили отборные кедровые орехи, зерна кукурузы и гречневой крупы.

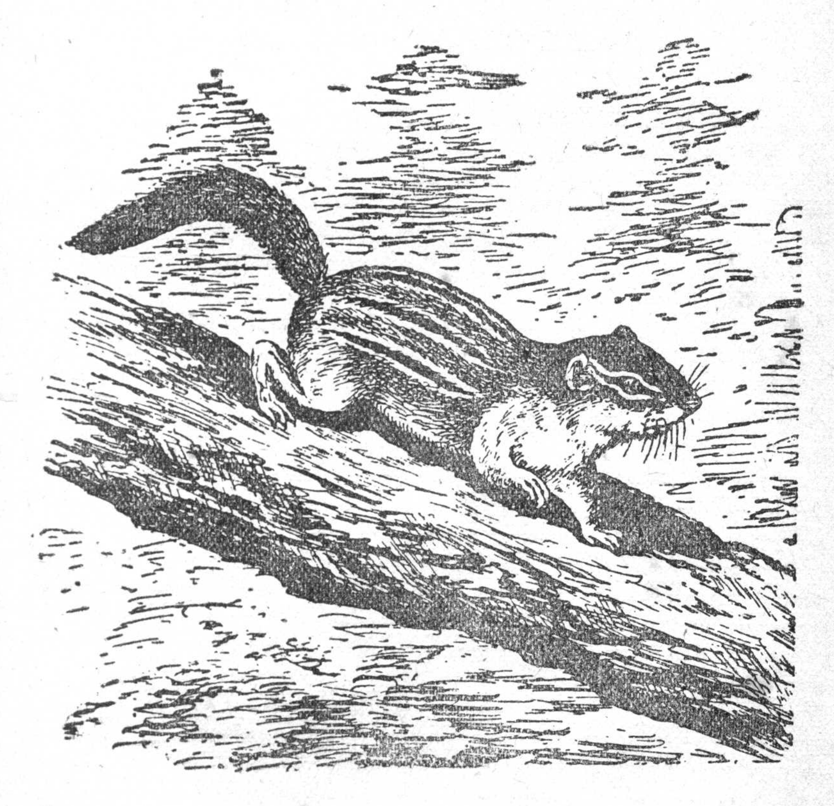
Медведи и кабаны в тайге прекрасно знают эти хозяйственные качества запасливых зверьков и посредством своего тонкого обоняния находят их кладовыя и грабят их, лишая бурундуков пропитания и обрекая на голодную смерть. В кладовых нередко можно найти до полупуда разных зерновых продуктов. Люди также иногда обижают маленьких хозяев и откапывают их склады, накопленные в течение лета и осени с большим терпением и трудом. Этим занимаются, правда, только одни лодыри и лентяи, люди не высокой нравственности.

Разыгравшись, наши бурундучки иногда залезали к нам в карманы и укладывались там спать и были очень недовольны, когда их там беспокоили. К зиме они отъелись и обросли жирком, а когда ударили морозы и выпал снег, они забрались в свой домик и залегли там надолго, свернувшись калачиком в одну кучу. Во время этого сна их можно было вынуть из домика, переворачивать на ладони и делать что угодно, — они не просыпались и только еле шевелили лапками. В теплые солнечные дни они просыпались и, сидя на задних лапках, ели свои запасы, но потом сейчас же опять забирались в гнездышко и засыпали на неделю, иногда на две.

Окончательно проснулись бурундучки только в се-

редине апреля, когда природа ожила и появились почки на деревьях, которые служили любимою их пищей в это время года.

Выпущенные весной на свободу, наши веселые ребята разбежались по тайге и, устроив там свои гнезда, больше к нам не вернулись. Но иногда, по старой памяти, они приходили в свой домик в столовой, грызли там орехи и,

набрав в защечные мешки побольше зерен, снова убегали в тайгу, к своим деткам. Так продолжалось до зимы. Когда же мороз сковал землю и в воздухе замелькали первые снежинки, они больше не показывались, и домик их занял другой постоялец, белочка-летяга, с огромными выпуклыми глазами в серебристой шелковой шубке. Этот милый зверек залетел к нам в окно случайно, спасаясь от преследовавшего его хищного ястреба.

ЛЕСНОЙ ЭЛЬФ

В один из погожих осенних дней „Бабьего лета", когда природа начала увядать и тайга разукрасилась множеством самоцветов, мы сидели на веранде и наслаждались чудным видом лесистых сопок, подымавших свои лесистые вершины к ярко-голубому небу.

В это время послышался какой-то шум и в воздухе мелькнула неясная тень маленького зверька; за ним, с быстротой пули, летел со сложенными крыльями ястреб. Это была белка-летяга; она спрыгнула с ближайшей березы, чтобы избежать когтей хищника, и, планируя в воздухе летательной перепонкой, впорхнула в открытое окно столовой

Ястреб по инерции ринулся в окно за белочкой и, не рассчитав, ударился головой о верхнюю раму и тут-же упал замертво. Когда мы подошли к нему, он пришел в себя, но был так слаб, что лететь не мог. У него сделалось головокружение от удара. Чтобы дать ему оправиться, мы посадили его в сарай, предполагая, что он сможет улететь через полчаса; но мы на этот раз ошиблись: хищник не мог летать и через месяц, при каждом взлете он делал крутой поворот вправо и падал на землю; очевидно у него были повреждены какие-нибудь нервные центры, управляющие движением.

Он прожил у нас всю зиму в холодной комнате, где мы держали съестные припасы и продукты, и чувствовал себя прекрасно. К концу зимы он так приручился и привык ко мне, что слетал с насеста ко мне на руку и брал мясо.

Мы прозвали его Корсаром, за его склонность к разбойничеству и за его дикую гордую красоту.

Весною, когда начался перелет птиц и в вышине неба раздавалось веселое курлыканье журавлей, я вынес

его на руке на двор. Почувствовав свободу, он громко закричал, взмахнул своими длинными серповидными крыльями и поднялся в воздух, но был еще слаб для полета. Сделав два небольших круга, он сел на выдающийся сук сухого кедра и пробыл там весь день до вечера, помахивая крыльями и набирая силу. Когда солнце село, он вернулся в свою комнату, на свой насест, и с апетитом поужинал бараньей печенкой.

На следующее утро, чуть свет, он уже звал меня своим зычным голосом, чтобы я его выпустил.

Когда я вошел к нему, он сразу же слетел ко мне на руку.

Как только я вынес его на двор, он взлетел и, плавно махая крыльями, поднялся в вышину и исчез за лесом. Только мы его и видели.

Попав в комнату, летяга была так напугана ястре-

бом, что долго не могла придти в себя и позволила взять себя в руки. Только к вечеру она оживилась и порхала по столовой, совершая полеты через всю комнату, с печки к окну, оттуда в соседнюю комнату и в коридор. При полете она расставляла свои лапки, отчего растягивалась летательная перепонка, и, планируя, как аэроплан, быстро неслась вперед, иногда меняя направление при помощи хвоста, который служил, в данном случае, рулем.

Домик, где жили бурундуки, понравился нашему гостю и он там устроился с большим удовольствием, только Сара надоедала ему своими нежностями и злоупотребляла добродушием зверька. Она без всякой церемонии вытаскивала белочку за хвост из ее домика и уносила ее в свою клетку, где насильно укладывала спать, как малого ребенка. Белочка терпела долго, а потом стала

убегать от своей непрошенной няньки и прятаться в складках занавесей или портьер. Иногда-же, вырвавшись из объятий обезьянки, она улетала от нея в другую комнату.

Это был очень нежный и миловидный зверек, быстро освоившийся с неволей и привыкший к своим воспитателям. Людей она совершенно не боялась и нередко совершенно неожиданно, сделав прыжок из своего домика, садилась на голову кому-нибудь из нас, или же кому-нибудь из наших гостей, что не особенно нравилось дамам с их замысловатыми модными прическами. Тогда приходилось спасать прическу и снимать проказницу с головы смущенной и недовольной гостьи

Мы назвали нашу летающую прелестную крошку „Лесным эльфом", так-как она очень напоминала эти фантастические существа старых германских сказок. Может-быть этот зверек и послужил основанием поэтического вымысла народного эпоса, видевшего в порхающих существах летающих эльфов.

Наш эльф прожил у нас всю зиму, а весной мы выпустили его на свободу в лес, где он и остался. Как-то через неделю после этого, бродя по лесу с Ральфом, я был ошеломлен легким ударом в голову. Это наш милый эльф, узнав меня, слетел с дерева на мою фуражку; но, когда я хотел взять его в руку, он снова вспорхнул и скрылся в зарослях тайги. Больше я его не видел и не мог найти, несмотря на тщательные поиски. Может-быть он испугался собаки и сидел, притаившись, на стволе дерева.

Ж У Р К А

Как-то осенью на ст. Ханьдаохэцзы знакомый охотник принес мне молодого маньчжурского журавля с перебитой ногой. Я взял его из жалости, т. к. охотник заявил, что он зарежет птицу ввиду невозможности ее вылечить. Я взялся за это дело и со смелостью заправского хирурга наложил лубки на сломанную ногу журавля. Две недели он лежал у меня на боку с вытянутою ногой, а затем я позволил ему встать; но он сам чувствовал непрочность своей искалеченной конечности и опирался на нее только слегка. Через месяц, сломанная кость срослась, лубки были сняты и нога стала действовать, как здоровая; только на месте излома виднелся рубец и нога немного укоротилась. При ходьбе журавль прихрамывал, но во время бега хромота не замечалась. Вскоре наш хромой Журка совсем оправился и превратился в красивую статную птицу в полтора метра ростом, с белоснежным оперением, черными крыльями, шеей и грудью и ярко-красной головой.

Настала зима и Журку пришлось поместить в комнату, где складывались продукты. Он до того привык к нам, что скучал один и стукал своим крепким клювом в двери, пока его не впускали в комнаты. Здесь он чувствовал себя, как дома, и играл с дочкой Катей, которой тогда было не более восьми лет. Она наряжала своего хромого Журку и он гордо выступал с чепчиком на голове, во фраке и длинных штанах на выпуск. Обедал он вместе с нами и брал со стола свои любимые кушанья: вареное мясо, пельмени, макароны и творог. Иногда Катя изображала лису из басни Крылова и угощала своего приятеля манной кашей, размазанной по тарелке. Бедный Журка стучал по тарелке своим длинным клювом, но в рот к нему ничего не попадало.

Так прошла зима. Весной мы его выпустили на двор,

что привело журавля в неописуемый восторг: он бегал, как сумасшедший, гонялся за собаками и козами, клевал их и выделывал такие удивительные па своими длинными ногами, что мы все помирали со смеху.

Иногда на него нападала потребность к танцам, он отплясывал тогда какой-то дикий воинственный кэк-уок, хлопал крыльями, подпрыгивал, щелкал клювом, приседал и кривлялся, как клоун в цирке. Тогда мой деньщик Иван выходил из кухни с гармошкою в руках и наигрывал ему мотивы русского трепака, кэк-уока и матчиша. Эти звуки еще больше подзадоривали плясуна и он изощрялся на все лады, чтобы доставить удовольствие зрителям. Нередко и Катя принимала участие в этих танцах, тогда Журка вертелся вокруг нея и был за кавалера, а она за даму. Эти танцы продолжались иногда с перерывами, по целым часам, но бывало и так, что Журка ни за что не хотел танцевать, несмотря на музыку и вызовы со стороны деньщика Ивана.

По мнению Кати, Журка был не в духе и скучал по своим сородичам, пролетавшим высоко в небе с юга на север.

Журавль внимательно следил за ними, подняв голову кверху, громко кричал и прислушивался к их зычным голосам, раздававшимся в тишине весенних сумерек. Но этим и ограничивалось его стремление на волю; улетать он и не думал, и когда пролетели последние станицы журавлей, он успокоился и занялся своими повседневными делами.

На дворе он вел себя, как начальник, и не терпел никакого беспорядка и шума; если возникала драка между собаками, он разнимал их, награждая дерущихся сильными ударами своего клюва. Его все боялись и уважали; даже забияка Мишка-козел не трогал сильную птицу, опасаясь ее острого клюва.

Сара ненавидела Журку за то, что он при всяком случае норовил ущипнуть ее за хвост, из-за чего между ними установились отношения „вооруженного“ нейтралитета, который нередко переходил в открытую войну и потасовку, при чем обезьянка, вырвав из головы Журки несколько перьев, отступала на безопасные позиции, недоступные для пернатого великана.

Летом наш журавль гулял по всему поселку и даже летал на юг до ст. Шаньши, где охотился за лягушками

в болотах и затонах речки. Все русские жители его хорошо знали и, угощая лакомствами, заставляли танцевать, за что и прозвали его „Хромым балетмейстером“.

Он прожил у нас около трех лет и не делал попыток улететь на свободу.

Но вот наступила третья весна. По обыкновению мы выпустили своего питомца на двор. В это время очень низко над поселком пролетал косяк журавлей и призывные голоса их звучали, как серебряные трубы, с высоты ярко-голубого неба. Журка долго прислушивался к этим звукам и отвечал им громкими криками. Наконец, он не выдержал призыва самой природы, взмахнул своими огромными крыльями и, поднявшись в высь, улетел за своими родичами на север. К нам Журка хромоногий больше не возвращался.

ХРЮШКИ — МУРЗИЛКИ.

Во время своих охот на зверя, я никогда не стрелял ни самок, ни детенышей, считая это варварством, недостойным культурного человека. Но, к сожалению, этот взгляд не разделялся многими русскими охотниками и они били без разбора всех зверей, даже тельных маток. Один из таких варваров принес мне однажды четырех молочных поросят, мать которых была убита. Это были крошечные забавные зверьки, величиной с белку, на высоких тонких ножках, с длинными мордочками и хвостиком закорючкой. Мягкая шелковистая шерстка их желтобурого цвета пестрела темными продольными полосками. По окраске они напоминали бурундуков. Мы назвали их „Мурзилками". Так как они питались еще молоком, то необходимо было найти им кормилицу, или применить соску. На наше счастье у соседей недавно ощенилась сука, а щенят выбросили. Под нее-то мы и подложили наших сироток. Собака сначала на них ворчала, но вскоре так привязалась, как к своим щенятам.

Через две недели Мурзилки настолько подросли и окрепли, что всюду бегали за своей приемной мамашей. Это семейство представляло собой довольно странное зрелище: собака со своими детьми-поросятами.

Они были очень игривы и резвы. Бегали по всему двору, гонялись друг за другом и за собаками, тыкались всюду своими носами, визжали и хрюкали. Очень любили, когда с ними занимались и толкали их под бока. Высшее наслаждение для них было, когда их чесали за ухом и под брюшком; они тогда ложились на бок, зажмуривали глаза и тихо похрюкивали.

Обезьянка Сара также принимала в этом деятельное участие и, сев около Мурзилки, начинала перебирать его шерстку и искать блох.

Поросенок покорно подчинялся обезьянке и нередко

сам ложился на бок, приглашая таким образом Сару поискать у него насекомых.

Обезьянка обращалась с ними деспотически, и если какой-нибудь из них не подчинялся ей и не хотел ложиться, она ловила его за чуб и силой заставляла лечь на землю. Если они были в игривом настроении, или им надоедало лежать, они вскакивали и пускались на утек от Сары. Она гонялась за ними по всему двору; в конце концов, догоняла какого-нибудь зеваку, брала его, без церемонии, за чуприну и валила на землю. Поросенок визжал, вырывался, но под конец сдавался на капитуляцию и падал на бок, похрюкивая и закрывая от удовольствия глаза.

Такая комедия продолжалась иногда целый день.

Во время дождя поросята забирались иногда в общую собачью будку и ложились там с собаками, расталкивая их своими длинными носами. Псы относились к этому снисходительно и уступали свои места маленьким нахалам.

Когда к дочке приходили ее подруги и сверстники в гости, то на дворе устраивались общие игры, в которых деятельное участие принимали четвероногие друзья: Мурзилки, Сара, Милочка, собаки, щенята и волчата. Тогда слышался со двора крик ребят и, визг поросят и веселый собачий лай. Ворона Чернушка также подавала свой голос и ея карканье раздавалось по временам, заглушая все остальные звуки. Журавль Журка выходил тогда из своего философски-задумчивого настроения и принимался отплясывать какой-то дикий танец, выкидывать уморительные антраша своими длинными ногами и хлопать крыльями. Общее веселье захватывало всех, даже мрачный мизантроп, барсук Том, решался выглянуть из своей будки, и в его заспанных маленьких глазках сверкали огоньки задора.

Дети и их четвероногие друзья слились в одну жизнерадостную семью, показывая тем пример взрослым своей непосредственностью и искренностью.

Козел Мишка с завистью смотрел из своей загородки на веселую компанию и их игры, в которых он с удовольствием принял-бы участие, но острые рога и драчливость брата Милочки закрывали ему доступ к товарищам его детских игр.

Конечно, не обходилось и без ссор и даже драк, но,

благодаря вмешательству Кати, все кончалось благополучно, и небольшие потасовки не имели дурных последствий, если не считать нескольких вырванных перьев и клочков шерсти, оставленных на месте побоища.

Когда Мурзилки были еще совсем маленькими и бегали по двору, гоняясь друг за другом и играя в прятки, с высоты небес бросился на них огромный беркут и, схватив одного из них своими сильными лапами, поднял на воздух. На дворе все притихли и притаились, припав к земле, и только Мишка приняв вызывающую воинственную позу, ходил взад и вперед, угрожая воздушному врагу своими рогами. Орел в это время забирал высоту и поднимался над лесом.

Я был свидетелем этой сцены и бежал к лесу, заряжая на ходу ружье. Хищник не успел еще скрыться из глаз, как получил снизу заряд крупной дроби. После выстрела он свернулся на бок и быстро пошел вниз, кувыркаясь в воздухе. Когда я подбежал к нему, он сидел на земле, возле убитого им поросенка. Увидев меня, он весь встрепенулся и насторожился, желтые огненные глаза его сверкали, на голове и затылке перья стали дыбом. В этот момент он был поразительно красив своей дикой мощью и величественным видом. Я положительно залюбовался им.

Одно крыло его было перебито и висело беспомощно до земли.

Видимо, он приготовился к бою и жизнь свою не отдаст даром.

Несмотря на то, что передо мною был хищник и разбойник, я колебался в своем решении и ружье мое не поднималось для выстрела. Я не мог лишить жизни такую могучую царственную птицу, с гордостью и презрением смотревшую на своего торжествующего врага. Я опустил ружье и положил его на землю. Орел, заметив мое движение бросился на меня с угрожающим видом и громко закричал. Его крик, как вызов на бой, прорезал воздух и отдался эхом в ближайших скалах. Я едва успел отскочить в сторону и, зацепившись ногой за сучек, упал навзничь. Хищник не спускал с меня своих глаз, горящих злобой и ненавистью, и готов был растерзать меня своими могучими лапами, вооруженными длинными серповидными когтями.

Вдоволь налюбовавшись прекрасной птицей, я решил

овладеть ею во что бы то ни стало; но руками взять ее было немыслимо; поэтому, вырезав ножом палку с развилками, я подошел к орлу. Он снова насторожился, готовясь к нападению. В этот момент я прижал его к земле развилкой и, схватив сзади за плечи, поднял с земли.

Таким образом, держа его впереди себя, я отнес своего пленника домой, где, с помощью деньщика, осмотрел его рану. Перебитую кость пришлось взять в лубки и туго перевязать крыло.

Сделав в сарае насест, я посадил его туда, оставив на полу убитого им поросенка, у которого оказалось несколько ран от когтей хищника.

Пока мы делали ему перевязку и возились с ним, он молчал, только в желтых глазах его отражались все его чувства и переживания.

Поставив ему на ночь воду для питья, я запер сарай.

Весь следующий день он просидел в полутемном сарае, и мы наблюдали за ним в окошечко. Он сидел неподвижно на своем насесте, закинув свою гордую голову и сверкая в темноте огненными глазами.

Поросенок лежал на прежнем месте. Видимо хищник не сходил с насеста. Так продолжалось три дня. На четвертый день рано утром я зашел в сарай. Беркута на насесте не было; он сидел на полу и доканчивал поросенка, съеденного уже наполовину.

При виде меня, он взъерошил перья на голове, наподобие боевого шлема, и глаза его засверкали гневом.

Я не стал ему мешать и, выйдя из сарая, запер дверь. Вслед за этим раздался зычный клекот беркута, он звучал, как жалоба на свое бессилие и тюрьму.

С этих пор он начал есть исправно и поправляться. Крыло быстро срослось и лубки были сняты.

Днем его выпускали на двор, при чем он всегда располагался на коновязи, вскакивая туда одним броском. Здесь он сидел целый день, греясь на солнце, и зорко следил за всем, что делается вокруг него. На поросят, бегавших по двору, он не обращал никакого внимания, вероятно потому, что был всегда сыт.

Увидев в небе парящего орла или ястреба, он оживлялся, хлопал своими огромными крыльями и окликал

его зычным голосом, следя своими огневыми глазами за его полетом.

Делая частые попытки взлететь, он упражнял свои ослабевшие крылья, и с каждым днем достигал наилучших успехов. Однажды ему удалось подняться на крышу сарая, а в другой раз на высокий сухой кедр, стоявший в углу двора. Но все же он чувствовал слабость раненого крыла и не рисковал улетать.

В это время он настолько освоился с неволей и привык к людям, что брал лапой или клювом из рук мясо и тут-же его съедал, не обнаруживая жадности и прожорливости коршунов.

Поведение царственной птицы было безупречно, она платила нам трогательной благодарностью, за наши заботы о ней и хорошее отношение. Мне и дочери орел позволял гладить себя по голове и любил, когда его чесали за ухом, тогда он зажмуривал от удовольствия глаза и мурлыкал про себя свою орлиную песенку.

Но по всему было видно, что он тоскует в неволе и стремится улететь.

Все наши зверюшки относились к нему с почтением и никогда его не трогали, даже забияка и задира Мишка обходил его на почтительной дистанции и только издали тряс головой, посматривая с опасением на своего исконного врага.

Сара выходила на двор только тогда, когда беркут был в сарае или сидел на вершине сухого кедра. Только один Журка в ус себе не дул и садился рядом с царем птиц, не обращая на него внимания. Орел держал себя с достоинством, как подобает царю, и не только не обижал слабых, но всегда уступал им дорогу.

Наконец пришло время, когда наш беркут почувствовал в себе силу и начал делать попытки подняться в высь. Первый раз это ему не удалось и он должен был опуститься на полотно железной дороги, проходившей возле самого поселка.

Когда я подошел к нему, он сидел на земле с распростертыми крыльями и тяжело дышал; рот его был открыт и в глазах светилась несокрушимая воля и энергия. Очевидно, силы его не восстановились и он не справился с полетом. Я взял его сзади за плечи и понес

домой. Весь день он сидел на коновязи и, расправляя крылья, подготавливал их для дальнего полета.

На следующее утро, как только его выпустили из сарая, он, сделав с разбега несколько шагов, размахивая крыльями, поднялся на воздух. На этот раз он уже не опустился назад на землю, а, сделав несколько взмахов, забрал высоту и поплыл над сопками, смотря вниз, на место своего бывшего заточения. Вскоре его не стало видно совсем; темный силуэт его растаял в синеве безоблачного неба.

Нам жалко было орла: мы привыкли к нему и полюбили его за царственную красоту, благородство и гордый нрав.

Единственно, кто был доволен, это Мишка и Сара. Первому орел внушал почтительный страх, а второй — панический ужас.

К осени Мурзилки наши настолько подросли, что их можно было назвать уже свинками. Полосатость их костюма исчезла и после линяния цвет шерсти у них значительно изменился: они стали темнобурыми. У кабанчиков начали рости клыки в нижней челюсти, что составляло предмет их гордости, так как, при всяком удобном и неудобном случае, они пробовали силу своих длинных носов и поддевали ими все, что плохо лежит; копали землю, толкали друг друга в бок и при этом старались посадить на клык все. что только попадалось им на пути. Пятачки их были очень подвижны и ими они работали весьма исправно. Между ними было два кабанчика и одна свинка. Рост их достигал уже человеческого колена. Ели они все, что едят наши домашние свиньи, но приходилось еще давать им кедровые орехи, желуди и болотный хвощ, без чего питание их было-бы нарушено и они зачахли-бы.

В октябре, когда выпала первая пороша, они были в восторге, бегали взапуски друг за другом, валялись в снегу и радовались, как дети.

К Рождеству у нас остался только один кабанчик, так как другого кабанчика и свинку мы отдали большому любителю животных, ротмистру Канторову, на станцию Мулин, у которого содержалось целое стадо диких свиней в особом питомнике.

Наш приемыш рос не по дням, а по часам, и к Но-

вому году его щетинистый загривок был уже выше колена. Острые клыки его торчали изо рта и внушали к себе уважение. Жил он в будке вместе с собаками и никогда с ними не ссорился. Если ему хотелось поиграть и побегать, он приглашал для этого Мишку и Милочку, с которыми гонял по всему двору, поддевая их своим длинным рылом и пятачком. Мы выпускали его и в лес, где он любил копаться, отыскивая корни и клубни различных растений, которые, очевидно, были необходимы для его организма.

Мы назвали его Васькой и на это имя он охотно откликался визгом и хрюканьем, зная, что получит какое-нибудь лакомство, в роде хлеба, картофеля или капусты.

Каждый день во время обеда он являлся в столовую и, подходя ко всем поочередно, получал подачку. Если ему отказывали, он толкал в ногу своим пятачком и вызывающе хрюкал.

Наевшись всяких лакомств, он укладывался спать на ковре в гостиной и, блаженно похрюкивая, закрывал глаза. Сара только и ждала этого момента, она усаживалась у него на боку и с ожесточением принималась перебирать пальцами его густой мех, в поисках блох и других насекомых, оставшихся еще с лета. Эта процедура чрезвычайно нравилась Ваське; от удовольствия он даже чмокал губами и урчал себе под нос какую-то кабанью песенку. Так продолжалось до тех пор, пока Ваське не надоедало лежать. Ему становилось жарко и душно в комнате; он вскакивал с ковра и, почесав бок о косяк двери, мчался на кухню, а оттуда на двор, где вскоре-же раздавалось его чавканье у корыта с собачьей едой.

Через год он стал уже настоящим кабаном в шесть пудов весом и ростом со стол. Дочь свободно садилась на него верхом и, держась за щетину загривка, каталась по двору, при чем Васька самодовольно похрюкивал и, „улыбался", как думал сам маленький наездник.

Впоследствии, отправляясь в Россию в полугодовой отпуск, я подарил нашего приемыша тому-же Канторову, который задался целью развести особую породу свиней из помеси диких и домашних.

ЕЖИХА И ЗАЯЦ

Как-то гуляя со своими собаками в окрестностях Шитоухэцзы, я услышал их неистовый лай, раздававшийся в ближайших зарослях речной уремы. Думая, что они задержали какого-нибудь крупного зверя, я поспешил к ним на помощь и увидел, что Бельчик и Белка стоят над каким-то темным комочком и лают на него каким-то жалобным визгливым голосом.

Подойдя ближе, я убедился, что это был всего навсего ежик. Он свернулся комочком и пофыркивал, когда собаки трогали его лапами. Морды у них были в крови, очевидно после неудачных попыток схватить колючий шарик.

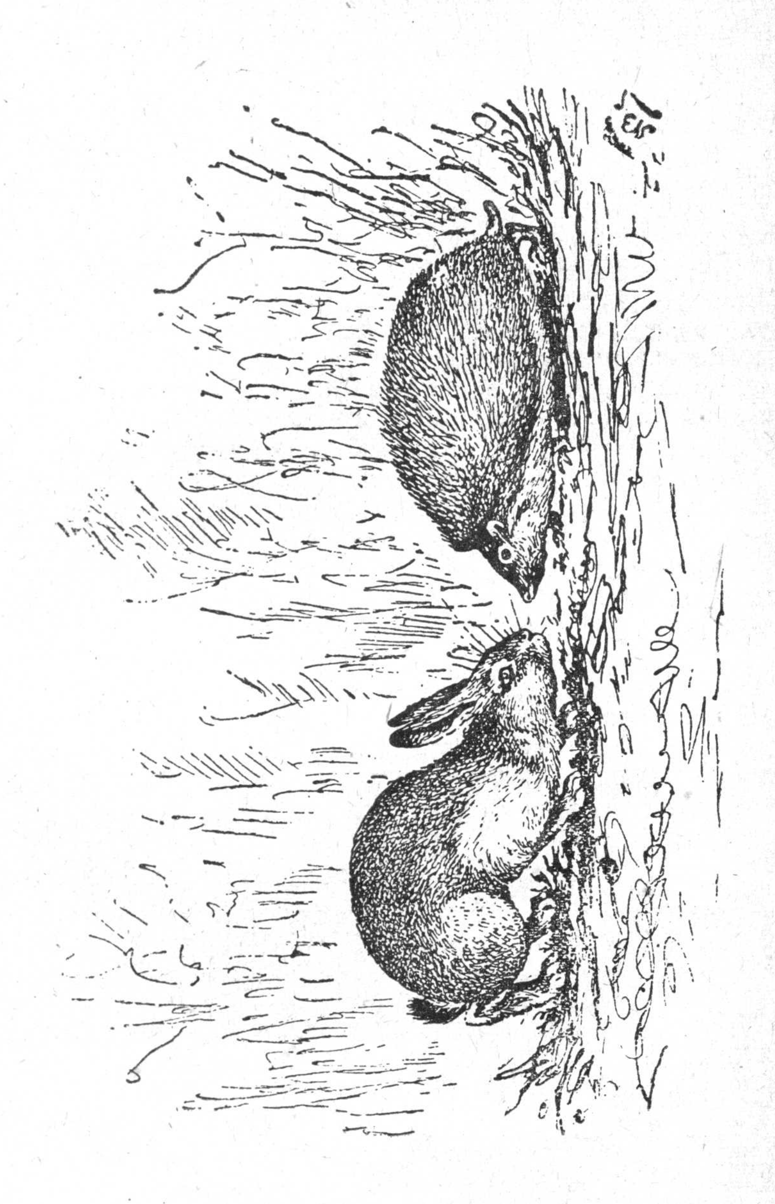
Я принес ежика к себе домой и пустил его под книжный шкаф, где он забился в темный угол и не показывался весь день.

Ночью я услышал в спальной чьи-то шаги, как-будто человек ходит по полу босыми ногами. Когда я зажег свечу, то увидел ежика, стоявшего около моей кровати и смотревшего на меня своими выпуклыми черными глазками, в которых отражалось пламя свечи. Я не шевелился и зверек долго меня рассматривал, желая узнать, что за странное существо находится перед ним. Может быть он впервые видел перед собой человека.

Удовлетворив свое любопытство, он пошел под кровать и что-то бормотал про себя, но на свет не выходил. Я задул свечу и слышал, как он опять затопал своими лапками и стучал пустыми банками в коридоре и в передней.

На второй день он охотно пил молоко из блюдечка и ел с удовольствием вареное мясо и сырые яйца, потешно чмокая и прищелкивая языком.

У меня жил в то время ручной заяц, и ежик облюбовал себе его постельку, улегшись с ним рядом. Заяц сна-

чала было запротестовал, но вскоре смирился, наколов себе мордочку и лапки на острых колючках непрошенного гостя.

Через несколько дней эти зверьки так подружились, что не только спали, но и гуляли вместе, причем ежик теперь даже изменил образ своей жизни и бóльшую часть ночи спал. Молоко они всегда пили вместе и заяц после этого становился на задние лапы и приводил в порядок свою шкурку языком и передними лапками.

Их постелька стояла под диваном и я долго в нее не заглядывал, но каково же было мое удивление, когда я увидал там шесть маленьких желтеньких ежинят, покрытых мягкими короткими иголочками вместо шерстки. Заяц был изгнан из гнезда и обосновался в углу дивана, где я постелил ему кусок войлока.

Я жил тогда в одиночестве, семья была в России и все мои четвероногие и пернатые друзья составляли мою семью, поэтому я никогда не скучал и всегда был чем-нибудь занят.

Ежиха так уже освоилась и привыкла, что не свертывалась больше клубочком и спокойно брала из рук пищу.

Через три недели после рождения ежинята бегали уже за своей матерью и, тыкаясь носиками в ея живот, заставляли ее ложиться, тогда они, толкая друг друга, с ожесточением начинали сосать. Ежиха в это время закрывала от удовольствия глаза и тихо похрюкивала.

К осени ежинята были уже в половину матери и ели все то, что она.

Когда они спали, то храп их раздавался на всю квартиру, так что меня часто спрашивали:

— Кто это у вас храпит так громко? — Подозревая, что это храпят люди, тогда как эти звуки издавали маленькие зверьки.

Заяц нередко играл с ежинятами, при чем они его догоняли, а он убегал от них и прыгал через них, приводя своих приятелей в недоумение. Иногда ежинята после игр укладывались спать вокруг зайца, который любил растянуться на полу или на ковре.

Мои охотничьи собаки считали зайца своим и не трогали его, даже тогда, когда он забирался к ним в будку и ложился спать вместе с ними. Белка даже очень

часто зубами искала у него блох и вылизывала языком его уши и голову.

Расшалившись, заяц заигрывал с собаками и бегал с ними по двору, перепрыгивая через них и, становясь во весь рост на задние лапы, барабанил передними лапками по пустой бочке, около которой обыкновенно останавливался.

Дружба зайца с ежихой была так трогательна, что осенью, выпуская мамашу с детенышами на волю, я выпустил и зайца.

Ежиха сразу же почувствовала волю и, довольно мурлыча себе под нос какую-то ежовую песенку, увела своих малышей в заросли и больше я их не видел.

Заяц сначала встал на задние лапки, осмотрелся, а затем ушел по следам своей приятельницы. Прошло полчаса; никто из них не возвращался, и я отправился домой обедать.

Дня через три заяц пришел домой и постучался лапками в дверь.

С тех пор он прожил у меня около года и все-же, в конце концов, ушел в тайгу и не вернулся, но может быть он стал там добычей какого-нибудь хищника.

МЫШКИ—ГНОМИКИ

„Мышь! Мышь! Ах, какой ужас!" — Такой возглас часто приходится слышать не только от неврастеничных женщин, но и от мужчин. А в сущности говоря, что может быть безобиднее маленькой хорошенькой мышки, которая не только не может причинить нам лично вреда, но даже не в состоянии укусить, как следует! Крыса — дело другое, она не только больно кусает, но может нанести серьезные поранения своими сильными резцами и вызвать заражение крови и гангрену.

Некоторые, особенно нервные и несдержанные особы, при одном только возгласе „Мышь!", вскакивают на стул, на стол и на что угодно и становятся положительно невменяемыми. Я не берусь объяснять этого явления, так как это дело врача невропатолога, но скажу только, что на 75% здесь мы имеем дело с притворством, кокетством, фальшью и распущенностью. Человек, у которого атрофированы сдерживающие центры, должен обратиться к врачу специалисту, в противном случае это угрожает ему печальными последствиями.

Между прочим, я заметил, что боязнь мышей и других, совершенно безобидных, животных тесно связана с ненормальностями, как физическими, так и духовными. Вполне нормальный человек рассуждает здраво и логично и отдает себе ясный отчет во всем окружающем.

Среди всей мышиной породы особенными симпатиями и даже любовью пользуются белые мыши, альбиносы и не альбиносы. Они очень быстро ручнеют и легко поддаются дрессировке; ими пользуются различные фокусники, уличные гадальщики и шарлатаны для извлечения денег из карманов любопытных зевак; кроме того, эти мышки приносят свою жизнь на алтарь медицинской науки, при различных опытах прививки заразных болезней.

В дни моей ранней молодости дошкольного периода, мышки жившие у нас в подпольи, были моими первыми друзьями из царства животных. Сначала я кормил их, посыпая зерно около норки, затем приучил их брать корм из рук; впоследствии держал их на подоконнике между рамами, где они жили в домиках-коробочках и выводили там мышат, маленьких голых карапузиков розового цвета, напоминавших поросят. Надо сказать, что родители относились к моим затеям сочувственно и всячески поощряли мою любовь к природе и влечение к животным, зная, что это, кроме пользы, мне ничего не принесет и отвлечет от многих вредных влияний со стороны. Они даже сами интересовались этим делом и давали мне дельные советы, как и чем кормить животных, как их содержать, приручать и вообще ухаживать за ними. Я многим обязан им в этом отношении.

Однажды, гуляя с отцом в окрестностях нашей дачи в Боярке, под Киевом, мы вышли в поле. Перед нами колосилось бескрайное море пшеницы и зелено-желтые волны его, колеблемые ветром, уходили в даль туманного горизонта. Из-за колосьев на нас глядели голубые и синие глазки васильков и ярко-красные пятна дикого мака.

Мы вышли на межу. Вдруг отец остановился и нагнувшись стал перебирать руками какой-то пучек травы и соломы, висевший среди пшеничных стеблей. Взяв в руку пучек и показывая его мне, отец сказал:

„Ты знаешь что это такое? Вероятно не знаешь, так вот слушай: это гнездо мышки-малютки. В нем сидит мать со своими детенышами. Возьмем его домой и посмотрим, как растут мышки". — Сказав это, отец направился к дому, дав мне самому нести гнездо мышки. Я был в восторге, так как давно мечтал найти его, будучи увлечен описанием мышки-малютки у А. Брэма.

Придя домой, мы поместили гнездо в клетку, подвесив его на жердочках. Оно было величиной с мою голову и искусно сплетено из травы и листьев пшеницы. Как только мы открыли гнездо, оттуда вылезла мамаша, миниатюрная хорошенькая мышка, с желто-бурою шубкой и белым брюшком. Не обращая на нас никакого внимания, она села на задние лапки и начала приводить в порядок свою шерстку. Из гнезда больше никто не показывался; там лежали в уютной колыбельке пять голеньких мышат,

величиной с фасольное зернышко. Через неделю я брал мышку в руки и она не делала попыток убежать. Ея выпуклые, как бисеринки, черные глазки смотрели на меня с доверием. Вскоре показались и мышата; они уже покрылись буроватою шерсткой, проворно лазали по гнезду и жердочкам, как маленькие обезьянки, и грызли зерна, держа их передними лапками. Они были вдвое меньше матери, но росли быстро, и через месяц почти с ней сравнялись.

Мы по целым часам иногда просиживали перед клеткой, наблюдая жизнь мышей-гномиков и это нам не надоедало. В конце концов мы выпускали их из клетки и они бегали по нас, забираясь за воротник, в рукав или в бороду отца. Они с удовольствием ели насекомых и ловко ловили мух даже на лету, но боялись пчел и ос, прячась от них под листья.

Когда наступила осень и мы должны были переехать в город, отец уговорил меня выпустить мышек на свободу, что я и сделал в один прекрасный теплый день „бабьего лета". Я снес их в поле вместе с гнездом и пристроил его в густом кусте боярышника. На другой день мы с отцом пошли их проведать, но мышек в гнезде уже не было, они ушли, и мы не могли их найти, несмотря на тщательные поиски.

ГЕРОЙ МИККИ

В Индии и Индокитае обитает маленький интересный зверек, величиной с крысу, из семейства виверовых и рода мангуст. Этот хищник имеет тонкое мускулистое тело, небольшую остромордую головку, вооруженную острыми тонкими зубами, а также длинный хвост. Густой жесткий мех его буро-желтого цвета вполне гармонирует с сухою листвой и землей и позволяет ему незаметно подкрадываться к добыче; пищу его составляют мелкие грызуны, птицы и, главным образом, змеи, которых он преследует везде и всюду, не обращая внимания на их ядовитые зубы и величину. В Индии его называют „Мунгос" и держат в домах для истребления змей, которые нередко заползают в жилища и угрожают людям своими страшными ядоносными зубами.

Этот зверек, отличающийся большой силой и ловкостью, с умной, хитрой мордочкой, справляется с любою змеей, даже с большою коброй, укус которой смертелен для всех живых существ и для человека. Для того чтобы не быть укушенным змеей, мунгос нападает на нее неожиданно и хватает ее зубами за затылок, перекусывает шейные позвонки, а затем съедает ее всю целиком вместе с ядоносными зубами.

На юге Азии очень любят этого полезного зверька, приручают его и делают домашним животным, которое очищает дом от крыс, мышей и ядовитых пресмыкающихся. Почти в каждом доме можно видеть этого зверька, свободно бегающего по комнатам, по двору и саду, веселого и умного товарища детских игр, доброго гения человеческого жилища. Это настоящий друг дома, верный сторож и хранитель семейного очага.

Однажды, в одном из домов в г. Бомбее, я увидел чучело этого славного зверька на письменном столе хозя-

ина. Оно находилось на мраморном пьедестале, под стеклянным колпаком. Надпись на пьедестале гласила следующее:

„Нашему дорогому другу, славному Микки, погибшему смертью героя".

На мой вопрос о значении надписи, хозяин рассказал следующую историю.

„Чтобы избавиться от крыс и змей, заползавших в сад на нашей загородной вилле, мы завели себе мунго, которого мои дети очень полюбили и назвали Микки. Он был постоянно при них и участвовал в их играх и забавах.

Ни одна змея не могла проникнуть к нам в дом, Микки ее обнаруживал и уничтожал немедленно. Но вот как-то случайно большая кобра заползла из соседних джунглей в наш сад и выползла на дорожку, где играла с песочком моя младшая трехлетняя дочка.

Ребенок, увидев красивую блестящую змею около себя и не подозревая никакой опасности, ударил ее по голове своей лопаточкой. Разъяренная таким приемом, страшная змея поднялась над смеющимся ребенком, глухо и угрожающе зашипела и, откинув свою плоскую головку назад, готова была нанести смертельный удар своими ужасными зубами, но в этот самый миг, откуда ни возьмись, появился наш Микки и с быстротой молнии бросился спасать ребенка. Чтобы предупредить удар, он схватил змею не за шею, а за туловище, что его и погубило, так как кобра моментально обернулась и укусила его два раза в голову.

Микки взвизгнул от боли и досады, но не выпустил змею и грыз ее до тех пор, пока она не околела. Через четверть часа наш Микки лежал бездыханный возле убитой змеи, а над ним, склонив свою кудрявую головку, плакала спасенная им девочка и горькие слезы падали на его окровавленное тельце.

Вскоре прибежали другие дети, нянька и мы с женой, и увидели перед собой эту кошмарную картину, со страшною мертвою корбой и жалким трупиком нашего любимца.

Ребенок не представлял себе опасности, которой он подвергался, и с наивностью неведения рассказал нам,

как подползла к нему „красивая змейка”, как он ударил ее лопаточкой и как бросился на нее Микки.

С тех пор прошло уже несколько лет, но мы не можем забыть нашего преданного друга и, смотря на его изображение, вспоминаем его самоотверженность и геройский подвиг, достойный удивления и прославления.

Микки, как живой, стоял передо мной, но его стеклянные глаза были мертвы и неподвижны.

ОГЛАВЛЕНИЕ

APPROVED BY UNRRA

Team 108